

Городской конкурс «Серебряное перо»

«РУССКИЙ ЛИВИНГСТОН»

Рецензия на историко-этнографический очерк
В.К. Арсеньева «**Китайцы в Уссурийском крае**».

Бабченко Дмитрий Анатольевич

г. НАХОДКА

2021 год

Интереснейшую книгу мне удалось найти с помощью работниц библиотеки №4 Центральной Библиотечной Системы г. Находки. Узнав о конкурсе, я заговорил с главным библиотекарем Ириной Петровной Лищенко об этой книге, что с интересом бы отрецензировал этот труд. И неожиданно через неделю она мне её вынесла! Ещё работая в газете, мне случалось в материалах, связанных с именем В.К. Арсеньева, встречать название его научного труда **«Китайцы в Уссурийском крае»**.

Книга, о которой веду речь, издана тиражом всего в полторы тысячи экземпляров московским издательством «Крафт +» в 2004 году, в ней 352 страницы, и добавлены избранные главы из книги Фриттьофа Нансена **«В страну будущего»** - к слову, он проезжал через СССР железной дорогой и встречался с Арсеньевым в Хабаровске году примерно в 1924-м, и русский исследователь тогда поделился своими познаниями о здешней географии со всемирно известным полярным путешественником. Впрочем, данный очерк создавался практически в те же годы, что и работа В.К. Арсеньева, и касался общей динамики переселенческой политики России времён П.С. Столыпина.

Исследование **«Китайцы в Уссурийском крае»** человеком, не чуждым краеведению, читается как детектив. Открывает своё исследование В.К. Арсеньев очерком физико-географическим, где раскрывает понятие и географические границы Уссурийского, Южно-Уссурийского и Зауссурийского краёв, даёт характеристику рельефу и геологическим особенностям территории, представляет читателю все реки бассейна Уссури, Амурского и Уссурийского заливов и низовий Амура – выступая как изрядный прикладной гидролог, описывает бухты побережья. Кстати, отмечает, что расселение китайского, корейского населения, «иностранцев» и русских первопоселенцев в условиях абсолютного отсутствия дорожной сети (впрочем, он отмечал, что с времён здешнего феодального государства в пределах Южно-Уссурийского края сохранились остатки древних дорог) происходило главным образом в бассейнах рек – это касается всех земледельческих населённых пунктов. Любые фанзы и избы, либо их группы в тайге и в горах смело можно было относить по принадлежности к охотникам или корнёвщикам. Рассказывает, приводя названия на латыни, об основных эндемичных представителях здешней фауны (от лиственницы и дуба до таволги и леспедеции двуцветной) и флоры, от тигра, медведей, барса и

олений, вплоть до насекомых и гнуса. Характеризует климат и особенности погоды региона – от восточных районов Монголии и холодных пустынных пространств Восточной и Западной Сибири до хребтов и склонов восточного и юго-восточного побережья Приморья. Уже в те годы бедствием Уссурийского края Арсеньев эмоционально называл таёжные пожары. Захватывает воображение широта и масштабы познаний этого пехотного офицера: он ссылается на современных ему исследователей климатических и атмосферных явлений и процессов, с небрежностью бывалого путешественника упоминает о неоднократных наблюдениях, движущихся с моря туманов с достигнутых им перевалов главного хребта Сихотэ-Алинь. Арсеньев именуется реки, вершины, хребты и бухты так, как их в повседневном обиходе именуют аборигены этих мест: тазы, удэгейцы, орочи, гольды, тунгусы, гиляки... и отделяет их общим названием «инородцы» (свои, российские подданные, но иные по рождению) от китайцев, маньчжур и корейцев. Поражает экономность его языка: глава с историческими данными заняла всего 25 страниц, а столько нового довелось узнать об экспансии китайских правителей через Амур с появлением русских первопроходцев! С дотошностью военного первопроходец обращает внимание на факты, касающиеся подданства: расположение сёл, где соседи России селили официальных сборщиков налогов, тщательно цитирует он и каждое свидетельство с российской стороны – о том, с каких годов начиная, в каких районах и каким наместникам московского царя и их казакам платили ясак инородцы. Не обходит он и «узких мест»: с одной стороны, даёт ссылки на свидетельства о китайцах, ставивших свои пограничные метки чуть ли не до Станового хребта... с другой же – говорит и о плаваниях русских купцов по Амуру уже после того, как он был передан в китайское владение. Но с годами все спорные моменты удалось урегулировать. И, к слову, оспаривать основание Николаевска китайцы не решились, не будучи уверены в своей правоте. Да и географические названия в окрестностях устья Амура даны русскими моряками и никем не оспаривались. Аборигены этих мест (гиляки и нанайцы) никогда никому - и китайцам тоже – не платили дань. Невольно вспомнился один из малых рассказов В. Пикуля – об истории заключения Пекинского 1860 года трактата о границе. Тогда, пользуясь осадой Пекина, что вели англичане и французы, русский посланник Игнатьев умудрился провести границу Китая с Приморьем по урезу воды на китайском берегу (что привело много позднее к конфликту за остров Даманский, что

можно оставить на совести тогдашних ссорившихся политиков: весь мир десятилетиями чертит границы по фарватерам рек, а две великих коммунистических державы, не договорившись из ложно понимаемой гордости, устроили межевую свару с немалыми жертвами. Проанализировав отчёты русских посольских чинов, Арсеньев приходит к выводу, что китайцы в Приморье появились в роли беглецов с берегов Сунгари, куда отправляли в ссылку всевозможных поражённых в правах, опальных придворных - и лиц, преступивших закон. Даже на первых картах, составленных для китайцев голландскими гостями, земли к востоку от бассейна реки Сунгари носят название «Гартар», что с устных рассказов китайцев голландцы смогли перевести как «ужас».

Демографические исследования в данном очерке носят в основном ссылочный характер и опираются, очевидно, на материалы правительственных чиновников, отвечавших в Приморской области и в Приамурском крае за статистические наблюдения. Цифры приведены в динамике, оттого впечатляют темпы прироста китайского населения: вдвое – с 1861-65 по 1870 годы и вчетверо - к 1888 году. Затем он сообщает о последовавшем после русско-японской войны оттоке китайцев в обезлюдившие области Маньчжурии в 1906-1909 годах, и о новом наплыве в 1910-1911-м.

Немало в этом очерке приведено материала, собранного Арсеньевым как непосредственно при прохождении маршрутов, так и в процессе общения с китайским населением в их бытовой жизни в местах компактного проживания, в земледельческих деревеньках, в таёжных фанзах и прямо при встречах на таёжных тропах, у религиозных капищ и на городских рынках...

Замечу между прочим и в заключение, что ни разу в исторической главе не упомянул он чжурчжэней – называл несколько раз киданей, возможно, это было наименование, более привычное таёжным старейшинам.